

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С.Л. РУБИНШТЕЙНА

ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
С.Л. РУБИНШТЕЙНА¹

© 2009 г. К. А. Абульханова

*Действительный член РАО, заведующая лабораторией психологии личности,
Институт психологии РАН, Москва*

Анализируются ключевые положения философско-психологической концепции, а также научного творчества великого отечественного философа и психолога Сергея Леонидовича Рубинштейна: проблемы Человека и Личности, раскрываемые им онтологические основы их сущности и способов существования, самореализации. Созданная ученым школа поступательно развивала его сложные и глубокие идеи, интегрируя ранее отдельно разрабатывавшиеся аспекты (способности, потребности, мотивацию, сознание, самосознание, мышление как качества личности), расширяя контекст их исследования. Утверждается, что рубинштейновское направление конструктивностью самих его идей, усилиями учеников и последователей заняло лидирующую позицию в отечественной психологии и открыло перспективу разработки с онтологических и философско-антропологических позиций проблемы: сознания, деятельности, общения, субъекта и личности.

Ключевые слова: Человек, Личность, онтология, философская антропология, позиция, отношения, интеграция, принцип развития, единства сознания и деятельности, принцип детерминизма, ценность, субъект.

Юбилей выдающегося отечественного философа и психолога С.Л. Рубинштейна – это не просто 120 лет, прошедших со дня его рождения (19 июня 1889 г.). Это семьдесят лет жизни, прожитой в разные века, социальные эпохи с их резкими изменениями и противоречиями, с переходами от расцвета науки, культуры, духовности (даже эстетства) к братоубийству, войнам внешним и внутренним, изничтожению человека и человечности. И это почти пятьдесят лет жизни и развития (можно сказать, расцвета) идей ученого после его смерти, перешагнувших в XXI в.

С.Л. Рубинштейн родился в Одессе в 1889 г. Будучи сыном крупного одесского адвоката, высокообразованного и глубоко мыслящего, он уже в детстве и юности познакомился с реалиями социальной и политической жизни России – преступностью и одновременно судебной и законодательной несправедливостью, затем участвовал в практике отца. Получив блестящее домашнее образование (латинский, греческий и все западноевропейские языки, глубочайшие знания истории российской и западной философии, культуры,

гуманитарных и точных наук), он продолжил его в университетах Германии (Берлина, Фрейбурга, Марбурга), защитив диссертацию под руководством Г. Когена и П. Наторпа. Там он создал свою первую философскую концепцию субъекта, альтернативную кантовской и гегелевской. К философско-методологическим проблемам Рубинштейн обратился еще в молодости в России, но не смог воплотить свой первый эскиз их решения (в начале 20-х гг. он был отстранен от чтения лекций по курсу философии и курсу теории относительности Эйнштейна и переведен на должность директора Одесской библиотеки) [70].

Из ее подвалов он вышел на свет победителем – уже зрелым психологом, сумевшим новой психологической концепцией деятельности преодолеть кризис мировой психологии и заложить фундамент – Основы – построения отечественной [59]. Но, отдаваясь без остатка решению этих новых теоретических, исследовательских и практических задач (десятилетие работы в Ленинграде, включая период его осады, защиту вверенных ему сотен людей, пятилетие активной организационной, научной деятельности в Москве в качестве первого представителя психологической науки – члена-корреспондента Академии наук СССР, руководи-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-06-00589а).

теля трех создаваемых и воссоздаваемых научных центров²), он всем опытом жизни, вбивавшим ее успехи и неудачи, неотступно шел к своему главному произведению – “Человек и мир” [60].

Судя по всему, он начал непосредственную работу над ним в последнее пятилетие своей жизни после пережитых лет непрерывной критики его “Основ”, обвинений в ревизионизме и космополитизме (46–50-е гг.) и фактического изгнания из науки. Пережив его, он сумел назвать свою жизнь оптимистической трагедией. Работу над рукописью он вел одновременно с подготовкой к изданию вышедших (в 1957, 1958, 1959 гг.) монографий “О мышлении и путях его исследования”, “Бытие и сознание”, “Принципы и пути развития психологии”. А ведь на этот период пришлось его десятилетие – от 60 до 70 лет! Уже поэтому можно поверить тезису Рубинштейна, что сознание личности определяет ее бытие.

Смыслом его творчества и реальной задачей жизни было построение, сохранение и развитие философии и психологии как науки о человеке и личности в бесчеловечном обществе. И то, что его идеи продолжают жить и развиваться и в эпоху “стужи”, и в эпоху “оттепелей”, – свидетельство если не победы, то возможности противостояния личности, творчества, духовности насилию и несправедливости.

Творчество Рубинштейна благодаря периодам знакомства с философской, научной и культурной жизнью Западной Европы (период его образования в Германии и изучения исследований психологов в лабораториях Франции и других стран во время кратких служебных командировок) и, главное, неустанному изучению, осмыслению и переосмыслению мировой философской и психологической мысли на протяжении всей их истории явилось “мостом” между российским и “зарубежным” научным пространством. Об этом свидетельствуют и переводы его книг, и участие отечественных психологов в мировом психологическом сообществе, и признание российского авторства в постановке и разработке проблемы деятельности [84–88]. В свою концепцию он органично вобрал весь критически переработанный опыт и достижения мировой психологии и философии. Он воссоединил когда-то вековую связь философии и психологии в условиях радикальной ломки, ухода в эмпиризм и угрозы уничтожения последней.

² Научная биография Рубинштейна освещена много раз в ряде изданий А.В. Брушлинским, автором данной статьи и другими психологами [12, 39, 40 и др.].

Содействуя научно и организационно рождению отечественной психологии, воссозданию ее лучших исторических традиций, развитию на фундаментальной им же самим разрабатываемой философской методологической и теоретической основе, Рубинштейн выступал инициатором создания новых научных центров, развития и расширения уже существующих, подготовки молодых и защиты известных психологов, способствовал интеграции психологического сообщества³. На протяжении всего своего жизненного пути он создавал систему психологической науки как единства ее методологии, теории и эксперимента, единства изучения, изменения (в условиях деятельности) и развития психики, сознания, личности, которую представил в “Основах общей психологии” (1940, 1946).

Он отстаивал Человека, Субъекта, Личность в условиях их научной философской и практической депривации (в самый тяжелый период – конец 40-х – начало 50-х гг.) павловской и других подвергавших критике его самого и его труды сессий (в период борьбы с космополитизмом).

Не ставя своей специальной целью классификацию наук и поиск места психологии в их системе, подобно Б.Г. Ананьеву, Б.М. Кедрову и Ж. Пиаже, начав с разработки методологии точного и гуманитарного знания, он обогатил методологию психологии наиболее тонкими и конструктивными операциональными теоретико-эмпирическими процедурами, присущими исследовательскому искусству разных наук. Это позволило ему преодолеть сведение предмета психологии к абстракциям психики, сознания или деятельности, показать ее многогранные взаимные связи с другими областями действительности, которые при определении собственного предмета другими науками отрывались от психологии и противопоставлялись ей.

³ В 30-е гг. под руководством Рубинштейна кафедра психологии Института им. А.И. Герцена стала крупным организационным научно-исследовательским центром, осуществлявшим интеграцию разных направлений психологической науки; сюда были приглашены для защиты докторских диссертаций Б.М. Теплов, А.Н. Леонтьев и др. В 40-е гг. Рубинштейн назначен директором Института психологии АПН РСФСР, создает кафедру психологии в Московском государственном университете, на которую приглашает А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, Б.В. Зейгарник, П.Я. Гальперина. В 1945 г. вновь организует сектор философских проблем психологии, куда приглашает С.В. Кравкова, Н.Н. Ладыгину-Котс, Б.М. Теплова и др. Одновременно он устанавливает и поддерживает контакты с учеными – представителями гуманитарных и точных наук – Вернадским, Бехтеревым, братьями Вавиловыми, Марром, Капицей и многими другими, встраивая психологию в общую систему научного знания.

Тем самым Рубинштейн раскрыл роль *методологии* (которая сегодня подвергается депривации) в *интеграции как всех наук*, гуманитарного знания в особенности, так и *самой психологической науки* – ее областей, направлений, уровней исследования (теоретического и эмпирического) и практического применения. Разработанные им методологические принципы способствовали не только *изучению* психики, сознания, деятельности, личности, но и осмыслению реальности жизни последней в условиях авторитарного общества и раскрывали роль философии, этики, психологии для решения проблем и противоречий ее жизни. Его пронизанная гуманизмом концепция Человека и Личности не только содействовала воспитанию личности, но и являлась ее психологической нравственной поддержкой в условиях бесчеловечного общества. В этом его заслуга как ученого, гражданина и человека.

Творческое наследие Рубинштейна неоднократно подвергалось исследованию и оценке с точки зрения тех идей, которые уже составляют историческое прошлое, и тех, которые открывают новые перспективы будущего, и с точки зрения решавшихся им задач, в которых соединялись научные, социальные, собственно человеческие детерминанты и проявлялись их противоречия, и с точки зрения их методологической роли для конкретных психологических исследований [16, 19, 30, 34, 39, 40, 81, 83, 89, 90, 92–94 и др.]. Творчество Рубинштейна продолжает оставаться неиссякаемым источником новых идей, воплощением внутренней логики развития психологической науки.

Ключевыми методологическими принципами, сохранившими свое непреходящее значение для развития психологии как исследовательской науки, стали поступательно разрабатывавшиеся: принцип *единства сознания и деятельности* – основа развития психологии; объединяющий сознание, психику и деятельность *принцип личности*, обладающей этим сознанием и осуществляющей деятельность; *принцип развития* в его не линейной, а функциональной трактовке, раскрывший соотношение высших структур и их функционирования, развития психики, сознания личности как инициатора и регулятора деятельности, на совокупности которых была построена психологическая наука как система знаний (30–40-е гг.).

К числу важных для постановки и исследования психологических проблем, до сих пор остающихся таковыми и в настоящее время, относятся: *принцип детерминизма*, разработанный для

раскрытия многокачественной природы психики, сознания, личности, и подход, первоначально называемый *деятельностным*, позднее – *субъектно-деятельностным*, имеющий в своей основе философскую *категорию субъекта* и методологический *принцип субъекта* (50-е гг.).

Ключ к решению этих проблем мы находим в последней книге Рубинштейна, его незавершенной рукописи “Человек и мир”, которая, по словам отечественного философа М.С. Кагана, высказанным в связи со 100-летним юбилеем Рубинштейна, “остается и поныне, тридцать лет спустя (после смерти автора. – Прим. К.А.), наиболее значительным явлением в советской и мировой марксистской литературе на эту тему” [65, с. 223]. Оценивая это произведение в другом контексте, Г.С. Батищев (тогда еще молодой советский философ) писал о книге Рубинштейна: “В частности и в особенности С.Л. Рубинштейн здесь будет представлять нашему вниманию и размышлению уже не просто и не только как знаток, как мастер-продуцент знания для научного преуспевания, а как завещавший нам транспонированный в знание опыт духовного поиска и реального обретения, так что самое знание выступает как достоверное свидетельство о таком практически реальном процессе искания в работе над собою и как приглашение нам повторить и продолжить работу каждому над собою, во всей полноте жизненных реалий ... И мы должны постараться продлить, усилить, довести до большей последовательности и резкости выражения все то существенное, что таилось в наследии этого мыслителя, но до сих пор еще не нашло себе понимания и действительного применения” [18, с. 248].

ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ С.Л. РУБИНШТЕЙНА

Развитие философско-психологического наследия Рубинштейна осуществлялось поступательными этапами в методологическом, теоретическом, эмпирическом и практическом направлениях.

Первый этап (60–70-е гг.) – сразу после смерти Рубинштейна – раскрытие *методологического* значения для психологии его философско-психологической концепции и *теоретическая разработка* проблем *связи личности и деятельности*. Методологическое направление заключалось в раскрытии смысла и роли идей последнего труда

Рубинштейна “Человек и мир”, который по своему философскому содержанию намного опережал состояние философского знания и мышления того периода, содержал его критику и предлагал концепцию, понятия и сущность которой были для того времени чуждыми: “онтология”, “философская антропология”, этика. Эта методологическая задача решалась в основном путем комментирования положений Рубинштейна в целях достижения их понимания, соотнесения с концепцией К. Маркса и советской философией, а также смягчения, иногда маскировки их новизны и противоречия последней. Первое издание, опубликованное через 13 лет после смерти Рубинштейна, было понято прежде всего в части, касающейся трагичности жизни, человеческих отношений, личности – ее мировоззренческих чувств и любви к ближнему. Результат решения этой задачи – введение категории субъекта в определение предмета психологии [3].

Методологический анализ ряда других трудов Рубинштейна был направлен на раскрытие *философско-психологического* понимания им сущности деятельности, которое осуществлялось задолго до этого в контексте начавшейся дискуссии по проблемам деятельности между С.Л. Рубинштейном и А.Н. Леонтьевым и другими психологами, представлявшими школу Л.С. Выготского [26, 27]. Этот методологический анализ внутренней психологической сущности деятельности и как реально-практической оформился в качестве “деятельностного подхода” к исследованию психических явлений, продолжая рубинштейновскую линию 30–40-х гг. [27].

Силами созданного Рубинштейном в Институте философии АН СССР коллектива *одновременно* началась разработка комплекса теоретических проблем личности и деятельности, поступка и поведения, составив второе – теоретическое – направление развития его идей (Л.И. Анцыферова, В.Г. Асеев и др.). Г.С. Тарасов раскрывает природу *личностной потребности* в деятельности, ее осуществление как самовыражение субъекта, как альтернативу “предметной” интерпретации потребностей [74]. Потребность в самом осуществлении деятельности (а не только получении ее результата, продукта) была показана В.Г. Асеевым в его теории зонной мотивации [15]. Эти же идеи конкретизировала в своем тонком анализе эстетической потребности как истинно личностной, духовной И.А. Джидарьян [35, 36]. Опираясь на раскрытый Рубинштейном механизм обобщения, лежащий в основе способностей и характера, Т.И. Артемьева провела существенную

дифференциацию потенциальных и актуальных способностей, выявив тем самым зависимость их развития в деятельности от личности [14]. Рубинштейновское определение отношений личности к миру, к деятельности, к другим людям было распространено на ядерное образование сознания – самосознание, в котором И.И. Чеснокова, давая его оригинальный компонентный анализ, выделила в том числе *отношение личности к себе* [78]. Новый подход к способностям, мотивации, самосознанию, мышлению заключался в том, что определения их сущности исходили не от каждого из них *в отдельности*, а подразумевали их внутренние связи друг с другом и личностью в целом. Е.А. Будиловой и К.А. Славской были актуализированы основные положения всей концепции личности Рубинштейна [30].

К этому же этапу относится расширяющееся по охвату научного пространства направление исследований мышления А.В. Брушлинским [22, 24], который, исходя из концепции и стратегии исследования Рубинштейна, объединял молодых психологов в теоретико-эмпирическом изучении *процессуального* механизма, личностной детерминации мышления (М.И. Воловикова, Ф.А. Сохин, В.Т. Кудрявцев, Л.В. Путляева и многие другие). Параллельно исследование мышления проводили ученики Рубинштейна в Психологическом институте Академии педагогических наук РСФСР (А.М. Магюшкин, Д.Б. Богоявленская, И.С. Якиманская [20, 50, 83]).

В период 70–80-х гг. идеи Рубинштейна оказали значительное влияние на разработку личностного подхода в области социальной психологии во вновь созданном (в 1972 г.) Институте психологии АН СССР (ныне ИП РАН), в частности, на “реабилитацию” категории поведения с личностных и нравственно-этических рубинштейновских позиций (М.И. Бобнева и др.).

Следующим этапом, связанным с созданием Института психологии в системе Академии наук – реализацией Б.Ф. Ломовым задачи, много лет решавшейся Рубинштейном, явилась направленность всего коллектива института на разработку проблем *методологии* психологии на основе предложенного Ломовым системного подхода [17, 49]. Не нужно доказывать, что принцип системности, не будучи эксплицированным и конкретизированным так психологически операционально, как это удалось Ломову, был основополагающим для Рубинштейна (начиная с 20-х гг.) и реализован им в “Основах общей психологии” в презентировании психологических знаний и проблем как системы, построенной на едином основании.

Б.Ф. Ломов, разделяя рубинштейновское понимание деятельности, в дискуссии с А.Н. Леонтьевым проводит дифференциацию деятельности и общения, разворачивает исследования последнего (В.А. Кольцова и др.) на основе *субъект-субъектных* отношений. В русле ломовской концепции системности в психологии удалось в новом масштабе и на новом уровне интегрировать проблемы личности и деятельности в контексте *жизненного пути*, на котором осуществляется изменение, развитие личности и ее становление субъектом жизни и деятельности [1, 7, 13 и др.].

Направление исследований мышления, реализуемое А.В. Брушлинским, продолжает расширяться, охватывая проблемы прогнозирования, мышления и общения, мышления и личности (В.В. Селиванов) и перерастает в собственно методологическую *континуально-генетическую* теорию психики [22, 28, 29]. Ломовым инициировалась задача выявления роли личности как субъекта деятельности [1, 6]. Под его влиянием деятельностный подход, первоначально опиравшийся на принцип единства сознания и деятельности Рубинштейна, был переформулирован А.В. Брушлинским и др. в *субъектно-деятельностный*. Так была преодолена концепция деятельности, которая “сама себя осуществляет”, и разработан принцип осуществляющего ее субъекта.

В понимании субъекта воплотилось активное, инициирующее начало человека, личности, наиболее акцентированное рубинштейновской трактовкой принципа детерминизма [20, 23, 58, 79]. Личностный подход, концепция субъекта деятельности начинают реализовываться в разработке проблем психологии труда, инженерной психологии и даже в области психофизики (К.В. Бардин, Л.Г. Дикая и др.).

Признание роли “человеческого фактора” в гуманитарных и технических областях следовало внутренней логике развития науки, до определенного времени лишенной *личностного* основания, и было результатом постепенной, а затем радикальной ломки авторитарного общества, нарастающих тенденций демократизации и гуманизации.

Этапом, приуроченным к 100-летию юбилею Рубинштейна, явилось издание ряда обобщающих его наследие трудов, в которых была раскрыта конструктивная сущность философско-психологической концепции; показана ее роль как нового основания современной психологической

науки и нового уровня ее развития [8, 10, 43, 46, 47, 53–56, 65, 80].

Эти издания свидетельствовали об инкорпорировании концепции Рубинштейна в психологию и ее реализации на методологическом, теоретическом и эмпирическом уровнях, о распространении и развитии ее многогранного содержания в *разных направлениях психологии* – определении ее предмета, изучении личности, исследованиях деятельности, мышления, а также в других ее областях. Научное наследие Рубинштейна было реализовано его непосредственными учениками и сторонниками, их преемниками в контексте рубинштейновской школы и за ее пределами (в Институте психологии РАН и других научно-исследовательских и практических учреждениях).

Конец 80-х гг. стал *новым этапом перехода от применения* концепции Рубинштейна к авторским разработкам, которые *соответствовали* ее содержанию, направленности, смыслу.

После кончины Б.Ф. Ломова А.В. Брушлинский в качестве директора ИП РАН определяет рубинштейновское направление – принцип субъекта как лидирующее, включая его в официально утвержденную программу исследовательской работы академического института.

Ломовский системный подход и рубинштейновский принцип субъекта были методологией, не навязанной ученым, а отвечали внутренним тенденциям развития психологии, научного мышления, в том числе в связи с изменением характера общества. Оба принципа сыграли важнейшую роль в ее научной интеграции, которая открывала путь ее дальнейшей дифференциации и развитие ее направлений [68].

Этап начала века характеризуется лидированием проблемы субъекта, субъектно-ориентированных исследований [2, 6, 7, 11, 21, 25, 29, 41, 43, 63–65, 71, 75]. Реализация личностно-центрированного подхода осуществляется в системе образования в ПИ РАО и других психолого-педагогических и социально-педагогических центрах, в которых и сейчас активно разрабатываются принципы развития обучения и воспитания, основанные на личностном и субъектном подходах, воспитания самостоятельности мышления, способностей, инициативы (Д.Б. Богоявленская, А.М. Матюшкин, И.С. Якиманская). Это *соответствовало* всей *психолого-педагогической* направленности практической и научной деятельности Рубинштейна [62, 82].

Возникли новые самостоятельные *направления* в ИП РАН и за его пределами. Исследования реальных коллективов и реальных личностей в условиях изменяющегося российского общества оформились в *психосоциальный подход*, раскрывающий особенности российского менталитета, психологии личности и сознания (в том числе на основе кросскультурных исследований), который в настоящее время разрабатывается в ряде лабораторий ИП РАН под руководством А.Л. Журавлева [41]. Это непосредственно отвечало идее философской антропологии Рубинштейна, рассматривавшего не абстракцию человека и личности, а включавшего последнюю в контекст ее жизни, одновременно видя внутренние последствия и возможности ее жизни в “бесчеловечном обществе” [57].

Другое крупное *направление*, превратившееся в самостоятельную научную дисциплину – *акмеологию*, соответствовало в своей основе принципу субъекта. Цель акмеологии – изучение и содействие становлению человека, личности, оптимальному развитию, достижению высшего уровня (“вершины”) [38]. Об этом писал Рубинштейн в начале своего жизненного и научного пути [70]. Акмеология имеет в виду не абстрактный идеал и уровень развития, а те операциональные возможности достижения совершенства, которыми располагает сама личность и содействующие ее развитию технологии. Если психосоциальный подход выявляет реальное состояние личности, раскрывая ее противоречия и трудности, то акмеология на этой основе разрабатывает технологии их преодоления личностью, ее свершений и достижений.

Наконец, непосредственной реализацией идей Рубинштейна являются глубочайшие изменения в одной из стержневых областей психологической науки – ее *истории*. Если Рубинштейн обладал личным талантом восстановления и развития наиболее глубоких и ценных теорий, идей, возникших в истории психологии, то сегодня разрабатываются уникальные методы и стратегии реконструкции и реинтерпретации всей логики исторического развития психологии и ее достижений в познании человека, личности, психики, сознания [44, 45 и др.]. Эти методы обладают подлинной объективностью, не позволяя произвольно переписывать историю; опираются на исторические факты, основываются на методологии, превращенной в технологию исследования истории науки, препятствуя тенденции простого пересказа существовавших концепций, течений и т.д.

Однако кратко перечисленные непосредственно идущие от концепции Рубинштейна и развивающие ее направления в психологии на сегодняшний день не только не исчерпали его идей, но и наметили связанные с современным состоянием психологии и ее местом в обществе *проблемы*, которые требуют более пристального анализа идей ученого, используя его термин – “вычерпывания” их более глубокого содержания. Если до сих пор распространение философско-психологической концепции Рубинштейна в целом и ее отдельных положений и принципов носило *характер естественного процесса*, стимулируемого усилиями и разработками его учеников, продолжателей и сторонников, то на современном этапе обогащение психологической науки идеями ушедших классиков психологии, включая Рубинштейна [48, 57, 67], может стать *специальной научной задачей*, требующей целенаправленного решения.

Сегодня психология представляет собой, на наш взгляд, *проблемную науку*, в которой успешность решения этих проблем находится в зависимости и от ее методологии, и от ее практического влияния, точнее – от его эффективности. Именно это имел в виду Рубинштейн, когда писал о задаче помочь человеку выстоять в жизненных трудностях, поддержать его душевно [60, с. 78].

ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА С.Л. РУБИНШТЕЙНА

Одной из центральных, наиболее актуальных и наименее разработанных проблем современной психологии является *проблема личности*, которая состоит в несоответствии или даже противоречии между теоретически оптимальной моделью личности, тем, какой она должна и могла бы быть, и ее реальным состоянием.

Неразработанность этой проблемы в истории отечественной психологии закономерно связана с депривацией реальной личности в советском обществе. Не случайно психологи (за исключением В.Н. Мясищева и С.Л. Рубинштейна) долгие годы в основном сосредоточивали свои исследования на личности ребенка, детской психологии, а не взрослой личности. Рубинштейн имел смелость заявить о ней уже в “Основах общей психологии”, разрабатывая в поздних трудах (“Бытие и сознание”, “Принципы и пути развития психологии”) проблемы способностей личности, характера, мотивации и воспитания, однако современное

состояние ее изучения и исследования⁴ требует обращения к философско-методологическим основаниям – онтологическим и философско-антропологическим, которые он разработал в своем последнем труде “Человек и мир”.

Обращаясь к этому произведению, мы поставили бы только два вопроса. *Первый*: почему гносеология, т.е. теория познания, всегда лидировала в истории философской мысли – в равной мере в идеалистическом и материалистическом “вариантах”? Ответ на него прост, хотя вопрос этот не ставился. Итоги познания, несмотря на его *развитие, фиксировались* в строгих формах научных знаний (разных наук), *объективировались логикой* в строгих понятийных формах. И наконец, несмотря на связь познавательной деятельности человека с практикой, он сам из процесса познания был элиминирован как условие объективности последнего.

Почему онтология как философское учение о бытии практически свелось к понятию материи, которая на рубеже веков “испарилась” в связи с открытиями физики? Материалистические идеи и объяснения реализовались в естествознании, общественных, точных науках и практически не распространялись на жизнь человека, не дорастали до уровня всеобщей онтологии. Последнее объяснимо, поскольку жизнь человека многообразна и так изменчива – исторически, социально, индивидуально (что и отразилось в противоречии номотетического и идеографического подходов).

Представленная Рубинштейном концепция онтологии в этом смысле уникальна, беспрецедентна.

Второй вопрос не менее сложен: почему в сравнении с доскональностью изучения органической и неорганической природы, мира живых существ, исследований анатомии человека мы так мало знаем о человеке (кроме проблем организации обществ), о личности? Философские антропологии, определяя человека, как известно, охватывали преимущественно одно из его отношений: человек и природа, человек и культура, человек и религия и т.д. Абстрактность этих вариантов антропологизма состояла не только в отсутствии

единства аспектов определений, но и в том, что исходной была абстракция “Человек”.

Рубинштейн преодолел эту ограниченность, начав с онтологической концепции, т.е. анализа сущности *бытия в целом*, и только затем включил в него *бытие человека* в его специфике. Обозначив позицию человека в *эпицентре* бытия, он тем самым, не эксплицируя *всех его отношений*, показал, что человек связан со *всеми* проявлениями бытия, а не с каким-либо одним. Далее он раскрыл самое сущностное отношение, которое связывает человека с бытием – Человек и Мир: человек постольку Человек, поскольку создает Мир, а Мир – именно то качество бытия, которое преобразовано и создано Человеком [60].

Рубинштейн раскрывает категорию человека в ряде качеств и их значений: человек – *осуществляющий свою сущность в самодеятельности и самопричинении; в его природном качестве и общественной сущности; в качестве субъекта, личности и отношении к другому человеку как субъекту, человечности, этичности*. Незавершенность системы категорий, построенной Рубинштейном, однако, не является препятствием к тому, чтобы продолжить осмысление поставленной им проблемы – соотношение “Человек” и “Личность”, т.е. раскрыть методологическое значение онтологической и философско-антропологической системы для психологии, более конкретно – личности.

Специфической особенностью философской антропологии Рубинштейна явилось не только указание на множественность отношений человека с бытием, но раскрытие их *многоуровневости*. Введя в антропологию понятие *жизни*, в отличие от абстракций философии жизни, в единстве ее философского и психологического определения *уровней*, он открыл возможность изучения самого конкретного уровня бытия человека – *жизни личности* [60].

Проблема личности до сих пор остается наименее разработанной областью психологии по многим причинам. Прежде всего, как и в разных вариантах философских антропологий, ее постановка начиналась с категории “человек”, и в психологии она начинается с личности как беспредпосылочной категории или производной от общества, в абстракции от ее жизненно онтологических основ. Рубинштейн, решив задачу раскрытия деятельной сущности человека на уровне личности и ее жизни, оставил нам в наследство задачу онтологического обоснования и философско-антропологического раскрытия этической

⁴ В настоящее время наряду с глубокими разработками и исследованиями личностной проблематики – способностей, мотивации, смыслообразования, жизненного пути, все еще не преодолено статично-структурное представление о личности конца 70-х гг., что является причиной импортирования (хотя и иногда продуктивного) психоаналитической и многих других моделей личности на “гребне” потребностей психотерапевтической практики.

сущности личности в психологии, проще говоря, истоки, причины, сущность ее *человечности*.

Психология же, сводя проблему “онтологизации” психических явлений только к доказательству их объективности, а последнее – к начавшемуся еще в 30-е гг. лишь к поиску объективного метода исследований (Б.М. Теплов и др.). Реально доказательства объективности не только метода психологии, а психического как особой “субъективной реальности” (по удачному выражению В.И. Слободчикова) завершилось уже в 60–70-е гг. на основе принципа детерминизма, разработанного Рубинштейном [3, 10].

Представляется, что одной из центральных современных проблем методологической реализации онтологической концепции Рубинштейна в психологии является проблема – *через какую категорию осуществляется переход от философского уровня бытия человека к психологическому*. Сегодня в психологии интуитивно сложилось представление, что этот переход осуществляется через категорию *субъекта*, поскольку она правомерна для всех уровней – человека, общества, группы и личности. Но, во-первых, категории субъекта и человека в концепции Рубинштейна не тождественны, вторая – значительно шире первой. Во-вторых, по определению субъекта, данному А.В. Брушлинским, всем уровням, на которые распространяется эта категория, присущи *единые* качества. Но, согласно представлению Рубинштейна об уровне организации бытия, каждый уровень предполагает *свою специфику*. А при глобализации категории субъекта различие, качественная специфика каждого уровня не выявляются. Если придерживаться иерархичности и *специфики* организации уровней, то следующий по отношению к человеку уровень его бытия категориально представлен *обществом*. Между тем, как справедливо указывает М.С. Каган, традиционно в советской философии категории человека и общества отождествлялись [65, с. 222], хотя первая имеет и филогенетическую, и экзистенциальную, и природную характеристики. Конкретизирующими способ бытия человека являются исторически сменяющие друг друга способы организации людей, их объединения в *общества* для деятельности по преобразованию природы. Каждый тип общества имеет свои конкретно-исторические характеристики, которые раскрывают способ объединения составляющих его индивидов (по терминологии К. Маркса), который осуществляется *социально различным образом*. Если Рубинштейн определяет человека через его позицию в Мире, то для психологии

позиция личности (в отличие от социологии) не может быть сведена *только* к позиции по отношению к *социуму*, она должна соотноситься и с *обществом в целом*.

Таким образом, реализуя положение Рубинштейна об иерархической организации бытия и о специфике его выше и ниже лежащих уровней, можно утверждать, что жизнь личности как наиболее *конкретный* уровень бытия человека соотносительна с одной из эпох, с *одной из социально-исторических организаций*, на время которой она приходится. Поэтому соотношение категорий “человек” и “личность” опосредуется в начале уровнем общества, затем и уровнем конкретного *социума*. Если же следовать принципу Рубинштейна о включенности человека в Мир, его эпицентрической позиции, то, вероятно, позиция личности должна иметь аналогичную характеристику, хотя и не центрального места в социуме, но *включенного* в него, связанного со спецификой *социума различного способа бытия* в нем. Обозначим его как *позицию* личности в социуме.

Гипотетически можно выделить *три онтологические позиции* личности, исходя из которых могут быть определены ее *отношения* с действительностью (подобно тому, как Рубинштейн раскрывает позицию Человека в Мире через его *отношения* к бытию – деятельное, познавательное и созерцательное). *Первая* позиция личности связана с ее *происхождением* как природного и *одновременно уже общественного* существа. Ее можно обозначить как *позицию внутри общества*. Личность рождается природно, уже обладая *человеческими общественными способностями* и *одновременно наследуя* те, которые характерны для порождающего ее *общества* (в том числе и некоторые особенности этноса). Вопрос о личности в этом плане рассматривался лишь через соотношение врожденных и приобретенных способностей, а также наследственности. Но оба эти аспекта чрезмерно конкретны – врожденные свойства могут быть и природными, и индивидуальными, а наследуемые, как правило, связываются с поколением родителей, тогда как личность – *дитя всех предшествующих поколений общества*, и это ее главная изначальная характеристика.

Идею *генетической* связи личности с обществом высказал К. Юнг, приписав, однако, особенность этой связи ее коллективному сознанию и его архетипам. Реально личность не только идеально, но бытийно, онтологически рождается из общества как из своего корня и навсегда сохраняет эту свою с ним идентичность.

Исходная позиция личности (условно названная “внутри” общества), которая вряд ли может быть исследована эмпирически, по-видимому, представляет собой мощный исток и резерв не только физиологических возможностей индивида и его сексуальной энергии (как считал З. Фрейд), а накопленных общественной историей человека его способностей. Именно они, а не только удовлетворение витальных потребностей, создают неисчерпаемый источник простейших *чувств личности* [66], онтологически развиваясь у взрослой личности в экзистенциальную потребность в другом человеке, в душевности, любви и взаимопонимании. Весь дальнейший процесс ее развития представляет собой единство противоположностей (но не только биологического и социального, как считается в психологии, а *индивидуального* (индивидуации – по К. Юнгу) и *социального* (социализации)). Эти противоположности можно условно обозначить как две функциональные *позиции* личности: индивидуальная – *обособление от социума* – позиция “вне” его и социальная – *включение в социум* – позиция “внутри” него. Становление личности (личностью) во все эпохи и времена осуществляется *общественным* образом – через триаду – позиции *происхождения из общества*, позиции *функционирования в социуме* и *индивидуальной экзистенциальной* позиции. Все три позиции реализуются в своем диалектическом единстве *в жизненном пути личности*.

Важно еще раз подчеркнуть, что позиция “исхода” – рождения личности *из общества*, в которой уже соединены и общечеловеческое, общественное, и унаследованное от непосредственных предков – *особенное*, и индивидуальное – *онтологически* представляет собой ее *генетический “корень”*. На его основе разворачивается онтологически другой – *онтогенетический* процесс, в котором происходит ее *функционирование в социуме* и одновременное *развитие индивидуальности*. Разумеется, обозначение этого способа бытия личности через позиции: 1) “внутри” общества, 2) “внутри” социума и 3) “вне” последнего является абстракциями. Однако именно они очерчивают то онтологическое пространство, которое составляет саму жизненную *экзистенциальную задачу, решаемую личностью*. Без их выделения и определения невозможно далее анализировать те *отношения* личности и определять их особенности, из которых складывается и через которые реализуется ее сущность. (Эти позиции “обособления” от социума как индивидуальности и “включения” в него как его участника мы выделили еще в “Диалектике человеческой жизни” (1977 г.), однако, следуя

З. Фрейду, акцентировали противоречие личности и социума, не учитывая ее *функционирования в нем*.)

Нетрудно увидеть, что позиция “внутри” *социума* не только детерминирована социальными отношениями, социально-психологическими ролями, нормами, но личностно представлена ее *потребностями* (базовыми, “материальными”, удовлетворение которых осуществляется *социально*, но многократно опосредовано и позицией, и деятельностью, трудом *самой личности*). Потребности привязывают личность к социуму *жизненно необходимым* образом. С ними соединяются, но не по иерархическому (А. Маслоу), а по другим основаниям собственно личностные, индивидуальные потребности, которые удовлетворяются *свободной творческой* деятельностью (или отношениями) *личности для социума и его культуры* (духовной, нравственной, эстетической). Потребности, связанные с позицией *внутри* общества, – это, согласно С.Л. Рубинштейну, общечеловеческие потребности, которые реализуются *в отношении к другому* человеку как субъекту и *человечном* характере этого отношения.

Позиция личности “вне” социума – становление ее индивидуальности. С последней в психологии прежде всего связываются ее *способности*. Однако, не сводясь только к ним, строясь и на характерологическом стержне, например, такая индивидуальная особенность личности, как эгоизм, при определенных условиях превращается в индивидуализм или потребительское отношение к людям. Индивидуальность же – это способ и саморегуляции, и самоорганизации личности, и построения отношений с людьми, и осуществления деятельности, и организации жизни в целом, и *самореализации* в ней. Самоактуализация (по А. Маслоу) – это мотив и смысл являющейся в мир личности *реализовать* себя в жизни соответствующим *себе*, своей индивидуальности образом.

Но и способности, как двуликий Янус, дают возможность личности одновременно реализовывать свои потребности и способности *в социуме* и *дистанцироваться* от него. Три позиции личности – это онтологические определения ее “пространственного места” в человеческом бытии: по отношению к общественному бытию в целом, к социальности, с которой совпадает время ее жизни, и к самой себе. Координаты ее бытия выступают в качестве *различных* онтологических детерминант ее жизни и детерминации последней ею самой.

Связь двух позиций – “вне” и “внутри” социума – была намечена Рубинштейном уже в “Основах общей психологии” в его простой, но глубокой формуле личности как триединства “хочу” (потребности), “могу” (способности) и “Я сам” [59, с. 619–620]. Последнюю составляющую Рубинштейн рассматривает как характер в широком смысле [56, с. 666–667]. Если перефразировать это определение, то оно будет утверждать *единство личности*: “Я сам удовлетворяю свои потребности своими способностями”. На первый взгляд это противоречит вышеприведенному тезису о *социальной опосредованности* удовлетворения потребностей (базовых), но по существу раскрывает его индивидуально-личностный механизм, не менее важную для определения зрелой личности характеристику *ее целостности*.

А отношения личности как бы *децентрируют* ее, “распыляя” в разных пространствах ее *интеракций с другими системами*, с которыми связана каждая из позиций, раздробляют ее на *отдельные отношения* (по В.Н. Мясищеву – к другому человеку, деятельности и т.д.), *разнородные* взаимодействия. Жизненный путь личности как индивидуальный уровень бытия человека *онтологически* характеризуется функциональной *полисистемностью* в силу множественности ее отношений, противоречий, обстоятельств, деятельностей и других системных составляющих.

Но если применить к личности определение Рубинштейном психики как включенной в разные системы связей, в которых она проявляет новые качества [58], то возникает представление о ней как *открытой* системе, связанной *различными отношениями с другими людьми*. Тогда на первый взгляд приведенное выше определение ее *целостности* противоречит последнему представлению о ее *открытости* и многокачественности, проявляющейся в связях и отношениях с *другими системами*. Вторая формула Рубинштейна “выводит личность за свои пределы”, связывая ее с *разными системами*, в которых она приобретает *свое инобытие*, новые качества⁵. Однако ключ к сущности личности лежит в снятии этого противоречия: следуя первой формуле и одновременно второй – связанности с другими системами разнообразными отношениями, затем можно осуществить “обратную” процедуру (аналогичную “обратимости операций” – по Ж. Пиаже). Мы

⁵ Так, способности превращаются в так называемые ПВК – профессионально важные качества [80]; поверхностное отношение к другому человеку может превратиться в глубокую дружбу, организованность как личностная черта характера – в ответственность и т.д.

предполагаем, что личность обладает способностью *затем* (или одновременно) *интегрировать* их в *качественно новое целое*. Она интегрирует те качества, которые возникли при ее взаимодействии с отдельными системами в *новое единое целое*. Здесь и проявляется интегрирующая сила “Я сам”. Так личностью интегрируются в сложные комплексы наши *жизненные ресурсы*: надежды, доверие, поступки, сомнения, решения других людей и взаимоотношения с ними.

Целостность личности при сохранении “открытости” (инобытия своего в другом благодаря связям с другими системами) обретает новый уровень целостной определенности – *самоидентичность, индивидуальность в самореализации*.

Понятие индивидуальности как характеристика личности употреблялось, хотя и в разных значениях, Б.Г. Ананьевым, С.Л. Рубинштейном [76]. Проблема “интегральной индивидуальности”, “интегральности” определялась в психологии, в частности, в школе В.С. Мерлина как интегральность *структуры индивидуальности, ее уровней* и т.д. Однако если эта интегральность присуща личности *по определению*, если при этом имелась в виду (при всех различиях) уже *наличная* заданная характеристика личности, то это *не ее способность к интеграции, не осуществление* ею самой этой интеграции. Даже когда личность признается системной организацией индивидуальности (О.А. Ахвердова, Ю.В. Белых и др.), индивидуальность все же оказывается закрытой структурой, а сама личность – лишь одним из уровней наряду с индивидуальным. В настоящее время разрабатывается альтернативная идея субъекта как интегрирующего психические особенности, качества, модальности на разных уровнях его организации (В.А. Барабанщиков и др.). Уровни не являются статично индивидуально иерархизированными, а соотносятся личностью функционально.

В упомянутой концепции отношений личности В.Н. Мясищева само понятие “отношение” не предполагало разделения его на внешнюю и внутреннюю составляющие, “стороны”, части, на его основе трудно представить себе систему личности как *закрытую* [52]. Но если учесть субъективность отношений личности, то они вообще могут не проявляться в ее поведении, поступках, оставаясь внутренними. Даже отношения как *взаимоотношения*, образуя, казалось бы, открытое межличностное пространство, иногда тоже могут быть обособленно закрытыми. На основе концепции личности Рубинштейна как целостной, интегрированной нельзя ставить проблему

так: является ли она вообще *закрытой* или она в принципе *открыта* своими отношениями с действительностью. Открываясь в межсистемные пространства, она *затем* “закрывается”, интегрируется, не становясь обособленной, “автономной”, а достигая новой целостности и индивидуальной определенности. Ее индивидуальность реализуется при этом не в жесткой структуре, а является *новым способом индивидуальной композиции, индивидуальной организации* личностных качеств в жизни.

Личность потому и личность, что *сама осуществляет индивидуальным образом* эту интеграцию, не присущую ей изначально и априорно по определению. Какие отношения, каких уровней, в какой композиции связываются ею в целое, зависит от *нее самой*, не исключая при этом противоречивости отношений, которые она интегрирует.

Нетрудно увидеть аналогию этой модели с формулой “хочу” и “могу”, которые определенным образом связывает сама личность. Однако если *первая* формула определения личности изначально предполагает ее *закрытость*, мои потребности удовлетворяются моими способностями, то *вторая* – их “выход” через соответствующие отношения в другие системы, т.е. ее *открытость* в социум, благодаря которой “хочу” и “могу” приобретают *новые* качества и следующую за ней способность личности *опять сомкнуться в новую* индивидуальную целостность *новых* качеств. Если в первой формуле Рубинштейна акцент ставился на своеобразную “самодостаточность” (“самопричинение” – по позднему Рубинштейну), то с учетом открытости во *второй* диалектически раскрывается ее способность к дальнейшей *самоинтеграции* – “сила Я”. При этом личность интегрирует не только две указанные в первой формуле модальности (“хочу” – “могу”), а множество – сознание, чувства, в том числе связанные с ними отношения, качества и способности (например, познавательное способность к научению, мышлению, применению знаний на практике в деятельности и т.д.). Иными словами, если иметь в виду “могу” – способность (как принято ее определять в психологии), то соответствующие ей отношения – это и познание, необходимое для ее реализации, и деятельность, и взаимоотношения с другими людьми, общностью, в которой личность ее реализует, и т.д. [73, 80].

Можно сказать, что личность, проявляясь в ряде отношений, *объективируется* (по терминологии Д.Н. Узнадзе), самореализуется (по

терминологии многих других авторов) в разных системах и качествах, которые *затем ею самой* присваиваются, *интегрируются, соединяются в собственное* индивидуальное *качественно новое целое*. Ее *первоначальная* индивидуальность, находя свое воплощение в объективации (“внутри”) социальных систем, *перевосплощается* “вовне” в качественно новую, то *затем* приобретает силу новой целостности, предназначенной и для решения противоречий с социумом, и для *нового уровня и способа самореализации* в нем.

Имеется в виду не субстанциональность, что можно предположить, исходя из понятия “обособления” и тем более понятия “самодостаточности” как интегрированной самой личностью целостности, а личность как индивидуальная *интерактивная* система, связанная взаимоотношениями с другими жизненными системами. Это – личность, реализующая себя в жизни своими силами, “состоявшаяся” (по выражению А.А. Деркача), “выделавшаяся” (по выражению В.В. Давыдова).

Для преодоления статично-структурного понимания личности (оно сохраняется, даже если “структура” дополняется эпитетом “динамическая” или заменяется диалектическим понятием “система”, если ее качества или уровни *все же заданы не зависящими от личности отношениями* – “объективно”) можно обратиться к другому методологическому суждению Рубинштейна, сформулированному в тех же “Основах общей психологии”: чем выше уровень организации живого, тем в большей степени не структура определяет функционирование, а последнее – структуру [59]. В “Человеке и мире” Рубинштейн расширяет эту формулу на основе принципа детерминизма, полагая, что чем выше уровень организации, тем больше “удельный” вес “самопричинения” в сравнении с причинением другим. Самопричинение и есть функционирование, для личности – *самореализация в жизни*. Говоря о ней как системе динамической, самоорганизующейся и организующей свои взаимоотношения с другими, мы подразумеваем под понятием “динамическая” *жизненное движение* и происходящее в нем *развитие*. Можно применить общее утверждение Рубинштейна к личности таким образом: чем больше и сложнее индивидуально функциональных возможностей, способностей и отношений она реализует, тем *выше уровень развития* ее индивидуальной сущности. И наоборот, чем выше последний, тем более тонкими, сильными, гибкими и разнообразными способами она самореализуется.

ОНТОЛОГИЯ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ И ЖИЗНЕННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Функционирование личности, ее самоосуществление, *объективация* и – обратный процесс – *присвоение*, интеграция в новом *пространстве* и качестве – происходят в особом *времени* – особой *онтологической реальности* – *жизненном пути*.

“Включение” личности в социум и ее “обособление” от него – это лишь исходные абстракции (позиции “вне” и “внутри” социума) – они конкретизируются и осуществляются личностью в *жизненном пути*. Последний может целиком совпадать со временем определенного социума, а может приходиться на периоды смены способов социальной организации, смены общественных устройств (как это происходило со многими людьми старшего поколения, пережившими и революцию, и войну, и “перестройку”). Функционирование личности – это особый экзистенциально-онтологический процесс ее жизни, в котором качественно различные онтологические системы связываются более/менее *зависимым от самой личности* образом.

Рассмотрение жизненного пути в единицах “событий” разбивало целостность жизни, ее зависимость от личности (если это внешние события), не обнаруживало их связанность с внутренними событиями и *жизненными побуждениями* личности (как это оказалось у Ш. Бюлер). Поэтому мы представили жизненный путь в более обобщенных “квантах” (жизненная позиция, линия, жизненная перспектива и смысл), но затем были вынуждены ввести еще более интегрирующее и обобщающее эти “единицы” понятие “стратегии” жизни, которую определили как приведение личностью в соответствие своей жизни со своей индивидуальностью [7]. Однако сегодня реализация онтологического подхода к личности предполагает конкретизацию и этого понятия. Жизненный путь личности (особенно ее прошедшая жизнь) онтологически обладает устойчивостью в силу своей необратимости. Но в зрелом возрасте на жизненно реализованном личностью этапе прошлое и настоящее приобретают *индивидуальную определенность уже осуществленного способа жизни*. Определение личностью своей дальнейшей жизни и будущего в значительной мере зависит от того, что она *приобрела* в прошлом и чего достигла в настоящем. Однако этим не исчерпываются ее возможности. В этой связи важно раскрытое Рубинштейном в

“Человеке и мире” соотношение имплицитного и эксплицитного. Объективируя свою индивидуальность в прошлой жизни (даже если это был опыт “ошибок”), личность интегрирует не только свои эксплицитные объективированные качества, но и имплицитные – прошлые и будущие возможности. Рубинштейн писал об этом еще в некрологе на смерть Н.Н. Ланге, различая личностей, которые, достигнув вершин в жизни, творчестве, целиком “исчерпали” себя в своих деяниях, тогда как в других всегда чувствуется еще не полностью реализованная возможность (Рубинштейн, 1922). Близкая мысль высказывается им и в столь же ранней статье о своем первом учителе Германе Когене, который многого требует от жизни, не принимая ее как наличность и данность, потому что чувствует *в себе силу* (курсив мой. – К.А.) изменить ее к *лучшему* [69, 70]. В этом – ее открытость в будущее и гарантия новых достижений.

Интегрируя себя в качественно новую индивидуальность, обогащенную новыми способностями, новыми отношениями, умением их построить и скомпоновать, личность приобретает *способность организации жизни*, которая обеспечивается по крайней мере *тремя высшими способностями* – *сознанием, активностью и организацией времени жизни* – ее *жизненными*, а не специальными (музыкальными, поэтическими, математическими и др.) способностями. Она обретает *способность интеграции жизни* – ее прошлого, настоящего и будущего. Представляется, что как интеграция личностью своей индивидуальности придает ей новое качество, так и организация, интеграция личностью жизни *изменяет ее саму*. И это новое качество жизни проявляется в ее *ценности*. В конечном итоге всё, чего личность *сумела достичь* в жизни, включаясь в ее разные системы, изменив себя к лучшему, присвоив это себе, обладает особым качеством *ценности*. Ценно то, чего она *добилась* от жизни, людей и что сумела *отдать*. Ценно то, кем она *сумела стать* и *какой сумела сделать* свою жизнь. Внутренняя интегрированность личности, присвоившей интерактивные отношения с действительностью, с другими людьми, все свои качества, обретенные в разных формах и способах самореализации, обеспечивает *силу “Я”* как ее высшее личностное *жизненное достижение*.

Ценности определяются как составляющие сознания или как качества жизни, связанные с удовлетворением основных жизненных или высших – индивидуальных – потребностей (благополучие, безопасность, достоинство и т.д.) [42].

Ценности – это аккумулированное обобщенное личностью осознание *достигнутого* – всего *реализованного* ею в своей жизни и своеобразная гарантия ее жизни, будущей активности, отвечающих ее *смыслу*. Ценности представляют особое *онтологическое качество осуществленности* личностью *своей сущности* и составляют экзистенциальность, ею переживаемую и осознаваемую. И на уровне личности справедливо определение Рубинштейном психического, включившего в него *переживание* и отношение. Любое достижение в деятельности или жизни в целом, решение жизненных проблем может сопровождаться не только преходящими чувствами радости и удовлетворения, но и переживанием его жизненной ценности [36]. Именно эта ценность жизненных достижений является движущей силой дальнейшей активности личности. Обычно исходной точкой её активности считают мотивацию, побуждения, не задаваясь вопросом об их истоках, тогда как именно *достигнутое* личностью *своими силами* (интеграцией “хочу”, “могу” и “Я сам” – по Рубинштейну), присваиваясь ей как опыт, как идентичность и *жизненная уверенность* и т.д., становится ценностью и побудителем активности. Это результат соединения ценностей сознания и деятельности в ценности жизненных *достижений*. Последнее также соответствует формуле Рубинштейна: личность не только *проявляется* в деятельности, но и *развивается* в ней благодаря *осуществленности* деятельности, преодолению ее трудностей (решению противоречий), *оптимальности* осуществления как общему результату (в отличие только от конечного). Это относится не только к осуществлению деятельности, но и к способам построения отношений, взаимодействий (интеракций) с людьми. Вышеописанная *интеграция отношений* в новое целое также является *ценностным достижением* личности. Ценности – это *личностные обобщения*, т.е. самое *существенное* в ее интенции на реализацию своей индивидуальной *сущности*, на ее самоосуществление в жизни.

Альтернатива такого способа самореализации и присвоения – когда осуществление деятельности или построение отношений *не интегрируются личностью*, а противоречат или даже разрушают ее *смысл жизни*, т.е. не только *отчуждение* от нее результатов ее усилий, но и *обесценивание* самих *усилий*. Именно это приводит к отчуждению от нее деятельности, отношений, личности от самой себя (негативное отношение к себе, своим возможностям) и... от жизни. Это своеобразное раздвоение личности, которая, продолжая функционировать в связи с разными системами, будучи не

в силах интегрировать свое функционирование в смысложизненное целое, проявляется по-разному у разных типов личности. Тогда личность в принципе оказывается движима *внешними детерминантами* или мотивами низшего уровня (материальная обеспеченность – в широком смысле потребительство).

В “Человеке и мире” Рубинштейн сформулировал как этическую заповедь *непозволительность использования* одним человеком другого только в его функции – средства. Нарушение этой заповеди личностью по отношению к самой себе приводит к способу жизни, не отвечающему ее индивидуальности, сущности, отрицающему смысл жизни. Этот способ жизни оказывается в житейском смысле слова простым существованием, а онтологически – *неподлинностью* самой жизни.

Различие личностей, способных к самоорганизации и организации межличностного пространства отношений и деятельности, пространства и времени ее функционирования с теми, которые такой способностью не обладают, в том, что последние *внешне детерминированы* социумом, жизненными обстоятельствами и т.д., тогда как первые движимы своими ценностями. “Самодетерминация”, “самопричинение” и *причинение другого* (по Рубинштейну) являются особыми *ценностными* движущими силами личности – как побудительными, так и исполнительными (согласно делению Рубинштейном психической регуляции на побудительную и исполнительскую), в отличие от *причинения другим*. Это различие и является исходным основанием определения личности в качестве *субъекта*.

У личностей первого типа “хочу” не только предшествует “могу”, но в силу их ценностной интеграции самой личностью они функционируют *одновременно* (мотив не исчерпывается ролью побудителя, уступая место “могу” – осуществлению действия, поступка, взаимоотношений). Для личностей, в основном детерминированных социумом (даже если эта детерминация приобретает характер внутреннего механизма и способа деятельности), мотивация “хочу” перевоплощается в “надо”⁶, и тогда исполнение (деятельность), реализация (отношений, взаимоотношений) осуществляются не столько индивидуальными способностями, сколько социально выработанными операциями, приобретенными умениями и навы-

⁶ В монографии и докторской диссертации Л.А. Коростылева использовала понятия “хочу”, “могу” и т.д., будучи не знакома с их разработкой Рубинштейном, но справедливо дополнила их модальностью “надо”.

ками. Это не означает, что личности, самодетерминированные ценностно, не используют последние (операциональные ценности – по Рокичу), но, даже включая их в осуществление деятельности, отношений и т.д., они реализуют их индивидуальным способом. Это преобразование личность осуществляет “своими силами” – способностями, “инстанцией” “Я сам”. А последнее есть простое выражение интеграции “могу” и “Я сам”: Я сам могу (или Я могу сам).

Различение личностей по характеру детерминации – *ценностной* как внутриличностной и *внешней*, становящейся движущей силой исполнительства, но не присваиваемой личностью, *не означает*, что отсутствуют другие основания для различения типов личностей, во-первых, и что социальные детерминанты не имеют ценностного характера, во-вторых, и не исключают их противоречий, в-третьих.

Исследование выявило такие типы личностей: ту, которая имеет собственно личностные побуждения – “хочу”, но не может реализовать их из-за отсутствия (низкого уровня развития) “могу” – способностей или отсутствия самостоятельности, притязаний, слабости “Я сам”, сразу проявляющейся в ориентации на неуспех. У другого типа при наличии способностей – “могу” низкий уровень мотивации – “хочу” также препятствует самореализации [5]. Подобные соотношения возникают и в силу жизненных и социальных причин, из-за неспособности личности разрешать противоречия внутреннего и внешнего, что приводит к ее внутренней дезинтеграции и дезинтеграции ее жизненных отношений, взаимодействий, интеракций.

Неспособность, невозможность достижения личностью целостности, интегрированности всех своих отношений, результатов деятельности и поддержания активности, приводящие к пессимизму и неудовлетворенности, проявляются в разных формах ее отчуждения от самой себя – деформациях, “уходах”, “защитах” и т.д. Компенсаторные формы этого жизненного состояния широко известны (алкоголизм, наркомания, девиация). Такая личность представляет не единство (по Рубинштейну), а противоречие сознания и деятельности, сознания и способа самореализации в жизни, что не опровергает принципа единства сознания и деятельности, а свидетельствует о том, что личности нелегко достичь такого единства. Обнаруживается, что достижение этого единства, как и целостности личности, зависит и от возможного уровня развития ее функциональных способностей в *определенном социуме*.

Сила “Я” как обобщение и интеграция всех своих качеств, реализованных в жизни, дает личности возможность *овладения* своей жизнью, т.е. превращает ее в *субъекта жизненного пути*. Она проявляется и реализуется в *ответственности*, о которой Рубинштейн писал еще в “Основах общей психологии”: “Это вопрос о ее самопознании, о личности как “Я”, которая в качестве *субъекта* (курсив мой. – К.А.) сознательно присваивает себе все, что делает человек, относит к себе все происходящие от него дела и поступки и сознательно принимает на себя за них *ответственность* в качестве их автора и творца” [59, с. 617]⁷.

Таким образом, личность, подобно определению места человека в Мире, онтологически может быть определена как *эпицентр* своей жизни – в *пространстве* систем ее отношений и деятельности и во *времени* – ее готовности к будущему, на основе присвоения *достижений* в настоящем и самореализации в прошлом. *Во времени* жизненного пути отношения и деятельности *изменяются*: одни остаются в прошлом, другие устанавливаются, третьи развиваются, расширяя пространство ее жизни. В обобщенном выражении *онтологически* это представляет собой *временно-пространственную, интерактивную личностно-жизненную реальность*. “Задача” их *регуляции* и *интеграции* осуществляется личностью *операциональными* механизмами – тремя ее перечисленными способностями. Их *онтологическая* характеристика представляет собой функционально личностную, *идеально операциональную* ценностную *реализацию* всех ее жизненных отношений, деятельности, позиций.

Способность к организации времени обеспечивает своевременность ее активности, а последняя благодаря сознанию приобретает целесообразный, ценностный характер. Ориентация на будущее определяется сознанием с точки зрения ее смысложизненного, ценностного характера, что побуждает соответствующую направленность активности личности. Эта гипотеза была подтверждена многолетними исследованиями трех перечисленных способностей.

Исследование *временной* способности личности было предпринято В.Г. Асеевым, который

⁷ В конце жизни в “Человеке и мире” Рубинштейн писал об ответственности как “духе серьезности” – обобщенном отношении к жизни и связанном со смертью человека сознании необходимости успеть осуществить главное дело своей жизни [60, с. 71]. Ответственность как качество субъекта жизни рассматривал и один из выдающихся психотерапевтов нашего времени И. Ялом.

выявил наличие разнообразных способов связи сознания и активности в пределах актуальной временной зоны мотивации [15]. В теоретических исследованиях Л.И. Анцыферовой проблема времени жизни рассматривалась в аспекте *развития* личности в ее жизненном пути и ее последнего этапа [13]. В исследованиях лабораторией психологии личности (В.И. Ковалев, Л.Ю. Кублицкене, В.Ф. Серенкова, Н.Ю. Григоровская, О.П. Кузьмина, Т.Н. Березина и др.) личностной организации времени деятельности и жизни были теоретически разработаны онтологические определения специфики времени жизни – ускорение, своевременность, умножение времени и т.д.; раскрыта *система компонентов*, составляющих его организацию (осознание, переживание, практическая регуляция времени), и система *режимов времени деятельности* (дефицит, лимит, нормативное время, время, задаваемое самим субъектом, неограниченное, незаданное время), которые, как показало эмпирическое исследование, складывается в более/менее оптимальные паттерны у разных типов личностей [8]. Соответственно были выявлены более/менее оптимальные *способы* осуществления разных *видов* деятельности разными типами личностей, с теми или иными более выраженными компонентами их временного паттерна (для выбора/отбора той или иной деятельности существенна диагностика типа временной организации личности). Раскрытие временных возможностей/ограничений личностей, релевантных тем или иным временным особенностям деятельности, одновременно обнаружило неизбежные *дополнительные* затраты активности для личностей, осуществляющих профессиональную деятельность, неадекватную своей временной организации.

Другой пролонгированный *цикл исследований* был посвящен изучению *активности* личности, которая определялась как отвечающая потребности и способности личности к самореализации в жизни и деятельности, и ее двух форм – инициативы и ответственности. Данная концепция ответственности отличалась от общепринятого в философии ее понимания как осознанной *необходимости*. Мы исходили из методологически противоположной позиции – достижения личностью, возлагающей на себя ответственность, *свободы, самостоятельности* в осуществлении деятельности и жизни в целом, освобождения от внешнего контроля. Ответственность – качество личности, связанное не с результатами деятельности (в российском правовом сознании ответственность долгие годы трактовалась как страх за *негативные последствия* – по данным М.И. Во-

ловицкой, О.П. Николаевой, Е.В. Пашенко), а с *предшествующим ей* присвоением личностью ее как целого, с *гарантией* обеспечения результата деятельности и ее осуществления на качественно желаемом и требуемом уровне при всех неизбежных проблемах, трудностях и противоречиях⁸. Проблема активности разрабатывалась Н.Е. Харламенковой в аспекте ее самоутверждения и его механизмов [77].

С конца 80-х гг. сотрудниками лаборатории психологии личности⁹ были проведены комплексные исследования (в том числе кросскультурные) *социальных представлений* в контексте одноименной концепции С. Московичи как операционального действенного механизма *индивидуального сознания* и социального мышления личности [5, 57 и др.]. Сознанием осуществляется *субъективная идеализация* жизненных реалий (других

⁸Это теоретико-эмпирическое исследование ответственности (начавшееся в 1983 г., завершённое в начале 2000 г., т.е. проводившееся в течение 20 лет (Л.И. Дементий), дополненное кросскультурным исследованием *представлений* об ответственности (Е.Н. Пашенко)) позволило, во-первых, доказать, что самостоятельность при взятии личностью на себя ответственности освобождает ее от внешнего контроля, во-вторых, рассчитывать *время* текущей деятельности, координируя ее наиболее напряженные моменты со своими возможностями, намечать последовательность ее периодов и т.д., т.е. личность приобретает свободу маневра в «контуре» деятельности. Кросскультурное исследование обнаружило важные особенности ответственности французов, связанные со знанием своих прав и соблюдением законов, в отличие от русских, берущих на себя ответственность «на свой страх и риск» в силу отсутствия четких правовых представлений, законов, правовой неурегулированности взаимоотношений и т.д. Хотя ответственность французов опирается на более развитое чувство собственного достоинства, она ограничивается контуром необходимого пространства деятельности, тогда как русские взятой на себя ответственностью расширяют зону риска (интерпретация результатов К.А. Абульхановой). В исследованиях типов активности в межличностных отношениях выявлена зависимость их конструктивности от ценностных особенностей – *отношения к другому человеку* как объекту или субъекту [61]. Ответственность изучалась во взаимосвязи с инициативой (выявлено преобладание одной из форм, гармоническое сочетание, противоречие), что характеризовало оптимальность/неоптимальность деятельности (Г.И. Купцова, Е.В. Погонина, Л.И. Дементий и др.) и взаимоотношений (Н.Т. Селезнева и др.).

⁹Г.Э. Белицкая, М.И. Воловикова, И.А. Джидарьян, Н.Л. Смирнова-Александрова, Е.В. Гордиенко, С.В. Григорьев, С.В. Тихомирова. В исследовании участвовали сотрудники других лабораторий ИП РАН (А.Н. Славская), московских учреждений (РАГС – Г.Н. Ярошенко), а также коллеги других российских городов (Ярославль – проф. В.В. Новиков и др.), региональных центров (Северная Алания – Л.А. Арчагова) и западноевропейских университетов (Париж, Университет 5 – Ewa Drozda-Senkowska, Е.Н. Пашенко; Варшавский университет – проф. Reikowsky и др., а также Европейский центр по Правам Человека – проф. W. Doise).

личностей, отношений и т.д.) относительно личности, но на основе социальных понятий, условностей, значений и т.д. Представления – более динамичная, чем понятия, составляющая социального мышления, непосредственно связанная с переживаниями личности, с одной стороны, и с *изменениями* общества – с другой. Одновременно исследовались и две другие составляющие социального мышления – проблематизация, которую Рубинштейн считал “нервом” мышления в целом (Г.Э. Белицкая, Г.Н. Ярошенко), и интерпретация (А.Н. Славская [71]), которые в единстве с представлениями обеспечивают возможности/ограничения сознания, наделяющие личность жизнеспособностью в социальных изменениях.

Исследования охватывали *комплекс* социальных представлений – об интеллекте, нравственности, о соотношении с обществом (социумом), а также экономических, правовых и т.д. [57] и выраженность способности решать проблемы. Выявились способности/ограничения индивидуального сознания разных типов личности (и разных социальных слоев) обеспечивать организацию их жизни в изменяющихся социальных условиях и способы связей сознанием ее индивидуальной и социальной позиций [5]. Исследование подтвердило гипотезу о роли оптимизма/пессимизма в отношении к идеалу [32], смыслу жизни. Это позволило выявить личностно-типологические особенности внутренних связей представлений и их связей в российском менталитете¹⁰. Онтологическая операциональность, конструктивность, *разрешающая способность* сознания решать проблемы, его действенность в сочетании с оптимальностью организации времени жизни (в соответствии со своим временным типом) и высоким уровнем активности (инициативы и ответственности) *обеспечивает* личности возможность интегрировать три свои жизненные позиции, ценностный характер этой интеграции и в целом – ее высокую жизнеспособность, достижение жизненных вершин, превращение в личность в высшем смысле слова (С.Л. Рубинштейн). Однако разный уровень развития данных способностей и реальность их функционирования в условиях жизненных противоречий приводят к тому, что для одних типов преобладающей в их жизни становится индивидуальность, для других – социальная пози-

ция (при этом они не являются дезинтегрированными). Наличие вышеуказанных способностей не препятствует их самореализации в каждом из этих жизненных пространств (и отношений) и удовлетворенности как побудителя дальнейшей жизни.

Таким образом, мы находим, следуя идеям Рубинштейна, сложнейшую иерархическую ценностную онтологическую систему жизни личности. Она определяется позициями, отношениями и взаимоотношениями личности с другими системами, которые позволяют ей проявить новые качества и *интегрировать* их в новое целое, соединяющее ее достижения. *Теоретическая* онтологическая модель личности дает возможность ответить на вопрос об источниках ее сил и их поддержания. А неоптимальность, деструктивность организации и функциональных возможностей *реальной* личности позволили понять причины их потерь как социумом, так и самой личностью [55].

Разрабатывая философско-психологическую концепцию жизни личности, Рубинштейн имел в виду конкретность ее функционирования в определенных социальных условиях: она вырабатывает свои способы их реализации в *реальной жизни*. На пересечении векторов социум–индивидуальность возникает потребность в типологизации, которая выявляет разные способы функционирования личностей, разные жизненные пути. Так открываются направления исследований многообразия и противоречивости жизненных реалий личностей. Благодаря этому психология личности как область ее *научного познания* расширяется, включая и противоречивые, иногда деструктивные *жизненные способы* самореализации личности, соответствующие не только оптимальным критериям. Абстрактные качества личности получают определения в жизненных категориях – счастья, ответственности, самолюбия, правды, лжи, веры и т.д. [36, 37]. Сближаются научные исследования личности, психосоциальный подход к российской личности в изменяющихся условиях ее жизни и психологическая поддержка оптимального для ее типа жизненного состояния, функционирования, самореализации.

Ответ на вопрос о том, как соотносятся понятия *личности* и *субъекта*, на наш взгляд, содержится прежде всего в плоскости *пересечения* теоретической модели и реальной психологии личности. Мы исследовали качества и критерии субъекта теоретически [2, 6, 11]. Они связаны не только с оптимальностью, оптимизацией, совершенством (тем более – успешностью) личности. Один из

¹⁰ Обнаружены: неразвитость правовых и экономических представлений, преобладание нравственных и социально-психологических, служащих регуляторами взаимоотношений, роль представлений о соотношении Я – Общество и т.д.

существеннейших критериев – *противоречия* и способность их решения личностью. Это линия, если обозначить ее философски, преодоления отчуждения личности – от социума, общностей, деятельности (и ее результатов), от самой себя и своей собственной жизни. Факт этого отчуждения – жизненно эмпирическая реальность. Теперь критерии и качества субъекта могут быть раскрыты более конкретно на линии *сопоставления теоретической онтологической модели личности и реальных особенностей ее функционирования в онтологическом времени – пространстве ее жизни, в которых личность достигает своей субъектности. Подлинность жизни и полноценность самореализации в жизни – точка совпадения, совмещения теоретической модели личности и реальной личности и критерий ее как субъекта этой жизни.*

Однако выделение онтологических позиций и жизненных способностей личности все же оставляют открытой и нерешенной поставленную Рубинштейном проблему об истоках ее этичности, человечности, духовности, о том, как личность становится Человеком в высшем смысле слова.

Анализируя *одну* из основных проблем творческого наследия выдающегося философа и психолога С.Л. Рубинштейна, важно еще раз подчеркнуть, что среди всего богатства его концепций и идей главное достижение гениального мыслителя – реализованный им уникальный синтез философии и психологии, реализованный именно в том центре, который является сущностью бытия Человека в бытии всей Вселенной. Поразительность этого открытия в том, что философия искала свой ключ к проблеме Человека вне психологии, а психология определяла свой предмет соотносительно с философией, минуя личность. Поразительность этого открытия, несомненно, и в том, что проблема Человека была поставлена Ученым именно в условиях отрицания человечности.

Рубинштейн не только обогатил психологию философскими традициями, культурой философского мышления. Он сумел переработать это философское богатство в методологический *инструмент* теоретического и эмпирического психологического исследования. Он преодолел свойственную его эпохе и нашему обществу канонизацию философских положений, их превращение в лозунги и открыл возможности их операционализации и одновременно – свободы научного мышления и поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абульханова К.А.* Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
2. *Абульханова К.А.* Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 56–75.
3. *Абульханова К.А.* О субъекте психической деятельности. М., 1973.
4. *Абульханова К.А.* С.Л. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблемы субъекта в психологической науке. М.: Академический проект, 2000. С. 13–26.
5. *Абульханова К.А.* Сознание как жизненная способность личности // Психол. журн. 2009. Т. 30. № 1. С. 32–43.
6. *Абульханова К.А.* Состояние современной психологии: субъектная парадигма // Предмет и метод психологии. М., 2005. С. 428–450.
7. *Абульханова К.А.* Стратегия жизни. М., 1991.
8. *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности, время жизни. М., 2002.
9. *Абульханова-Славская К.А.* Проблемы жизни и творчества С.Л. Рубинштейна // Психол. журн. 1989. № 5.
10. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.
11. *Абульханова К.А., Славская А.Н.* Проблемы методологии и философской антропологии в контексте парадигмы субъекта С.Л. Рубинштейна // Философия не кончается. Из истории отечественной философии XX в. 1960–1980-е гг. РОСПЭН, 1998. С. 328–352.
12. *Ананьев Б.Г.* Творческий путь С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1969. № 5.
13. *Анциферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: ИП РАН, 2006.
14. *Артемова Т.И.* Методологический аспект проблемы способностей. М., 1977.
15. *Асеев В.Г.* Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976.
16. *Баланчивадзе Р.Г.* Философские проблемы психологии в трудах С.Л. Рубинштейна: Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Тбилиси, 1968.
17. *Барабанищев В.А.* С.Л. Рубинштейн и Б.Ф. Ломов. Преемственность научных традиций. М.: Академический проект, 2000. С. 43–52.
18. *Батищев Г.С.* Философское наследие С.Л. Рубинштейна и проблематика креативности // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 245–277.
19. *Белявский И.Г.* Вторые рубинштейновские чтения в Одессе // Психол. журн. 1993. № 2.
20. *Богоявленская Д.Б.* Принцип детерминизма в психологии // Проблема субъекта в психологической науке. М.: ИП РАН, 2000. С. 53–64.
21. *Брушлинский А.В.* Андеграунд диамата // Проблема субъекта в психологической науке. М.: ИП РАН, 2000. С. 7–8.

22. *Брушлинский А.В.* Взаимосвязь процессуального и личностного аспектов мышления // Мышление, процесс, деятельность, общение. М.: Наука, 1982. С. 5–49.
23. *Брушлинский А.В.* Принцип детерминизма в трудах С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1989. № 4.
24. *Брушлинский А.В.* Проблемы обучения и мышления в трудах С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1969. № 5.
25. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
26. *Брушлинский А.В.* Разработка принципа единства сознания и деятельности в экспериментальной психологии // Психол. журн. 1987. № 5.
27. *Брушлинский А.В.* С.Л. Рубинштейн – родоначальник деятельностного подхода в психологической науке // Психол. журн. 1989. № 3.
28. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО “Модэк”, 1996.
29. *Будилова Е.А.* Методология, теория и эксперимент в научном творчестве С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1979. № 3.
30. *Будилова Е.А., Славская К.А.* Проблема личности в трудах С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1969. № 5.
31. *Воловикова М.И.* Представление русских о нравственном идеале. М.: ИП РАН, 2005.
32. *Воловикова М.И.* Социальные представления о нравственном идеале в российском менталитете: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 2005.
33. *Гордеева О.В.* Влияние марксизма на разработку проблемы сознания в отечественной психологии (на материалах трудов А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и Л.С. Выготского). Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1997.
34. *Давыдов В.В.* Учение С.Л. Рубинштейна о различии эмпирического и теоретического мышления // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 169–178.
35. *Джидарьян И.А.* Развитие С.Л. Рубинштейном общественно-исторической концепции потребностей // Психол. журн. 1989. № 4.
36. *Джидарьян И.А.* Представление о счастье российской личности. СПб.: Астма, 2001.
37. *Дементий Л.И.* Ответственность личности как свойство субъекта жизнедеятельности. Дисс. ... докт. психол. наук. М., 2005.
38. *Деркач А.А.* Акмеологические резервы творческого потенциала личности. М.: РАГС, 2001.
39. *Ждан А.Н.* Рубинштейн и Московский университет // Вестник МГУ. Серия 14. 1989. № 3.
40. *Ждан А.Н.* Историческая роль С.Л. Рубинштейна в идейной борьбе в период перестройки теоретических основ психологической науки (20–30-е гг.) // Проблема субъекта в психологической науке. М.: ИП РАН, 2000. С. 75–86.
41. *Журавлев А.Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000. С. 133–151.
42. *Журавлева Н.А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: ИП РАН, 2006.
43. Индивидуальный и групповой субъект в изменяющемся обществе. К 100-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна. М., 1999.
44. *Кольцова В.А.* Проблемы методологии науки и историко-психологических исследований в трудах С.Л. Рубинштейна // Проблема субъекта в психологической науке. М.: ИП РАН, 2000. С. 105–120.
45. *Кольцова В.А.* Методолого-теоретические основы историко-психологических исследований. М., 2004.
46. *Корнилов Ю.К.* Проблема практического мышления в трудах С.Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989. С. 159–169.
47. *Кудрявцев В.Т.* Теоретическое наследие С.Л. Рубинштейна сегодня // Психол. журн. 1990. № 3.
48. *Лекторский В.А.* Немецкая философия и русская мысль: С.Л. Рубинштейн и Г.Г. Шпет // Философия и история философии. Актуальные проблемы. М.: Канон+, 2004. С. 365–381.
49. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
50. *Матюшкин А.М.* Мышление, обучение, творчество. М., 2003.
51. *Менг К.* Концепция связной речи С.Л. Рубинштейна и ее значение для онтогенетического исследования речевого общения // Психол. журн. 1989. № 5.
52. *Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. М.: МГУ, 1960.
53. *Няголова М.Д.* Симпозиум, посвященный С.Л. Рубинштейну // Психол. журн. 1990. № 6.
54. *Няголова М.Д.* Структурно-генетический подход к изучению психики в трудах А. Валлона и С.Л. Рубинштейна (сопоставительный анализ): Автореф. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1994.
55. Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. М., 1989.
56. Психологическая наука в России XX столетия. М.: ИП РАН, 1997.
57. Российский менталитет: психология личности, сознание, социальные представления. М.: ИП РАН, 1997.
58. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Наука, 1957.
59. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.
60. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
61. *Селезнева Н.Т.* Закономерности и факторы развития психологической культуры руководителей системы образования: Автореф. Дисс. ... докт. психол. наук. М., 1997.
62. *Селиванова Л.Н.* Проблема субъекта в творчестве С.Л. Рубинштейна // Актуальные проблемы социальной психологии и педагогики: материалы Международной конференции. Смоленск, 1996.
63. *Селиванов В.В.* Свойства субъекта и его жизненный цикл // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: ИП РАН, 2002. С. 310–328.

64. Семенов И.Н. Психология рефлексии в научном творчестве С.Л. Рубинштейна // Психол. журн. 1989. № 4.
65. Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М., 1989.
66. Сергиенко Е.А., Ямщиков А.П. Наследие С.Л. Рубинштейна (к 90-летию со дня рождения) // Психол. журн. 1980. № 4.
67. Сироткина И.Е. Наука о человеке в исторической перспективе: диалог между Россией и Западом вокруг работ М.М. Бахтина, Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна // Психол. журн. 1996. № 2.
68. Славская А.Н. Методологические особенности интеграции психологической науки в творчестве С.Л. Рубинштейна // Современная психология: состояние и перспективы исследования. Ч. IV. Методологические проблемы историко-психологических исследований. М.: ИП РАН, 2002. С. 122–133.
69. Славская А.Н. Полная библиография трудов С.Л. Рубинштейна // Рубинштейн сегодня. Новые лица в проблематике человеческой деятельности / Отв. ред. В. Носуленко, П. Рабордель. Париж: Онтарес, Дом наук о человеке, 2008. С. 285–296.
70. Славская А.Н. Ранний период творчества С.Л. Рубинштейна // Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. М.: ИП РАН, 1989. С. 49–65.
71. Славская А.Н. Рубинштейновская парадигма субъекта в исследовании интерпретации // Проблема субъекта в психологической науке. М.: ИП РАН, 2000. С. 203–212.
72. Современная личность: социальные представления мышления. Развитие в норме и патологии. М.: ИП РАН, 2000.
73. Старовойтенко Е.Б. Идеи С.Л. Рубинштейна как основа построения концепции жизненных отношений личности // Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. М.: ИП РАН, 1989. С. 191–209.
74. Тарасов Г.С. Проблема духовной потребности. М., 1979.
75. Татенко В.А. Психология в субъектном измерении. Киев, 1996.
76. Форверг М. Индивидуализация личности // Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. М.: ИП РАН, 1989. С. 176–191.
77. Харламенкова Н.Е. Самоутверждение подростка. М.: ИП РАН, 2004.
78. Чеснокова И.И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977.
79. Чудновский В.Э. К проблеме соотношения “внешнего” и “внутреннего” в психологии // Психол. журн. 1993. № 5.
80. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека. М., 1996.
81. Шорохова Е.В. Теоретические проблемы психологии в трудах С.Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1967. № 5.
82. Юревич А.В. Психология и методология. М.: ИП РАН, 2005.
83. Якиманская И.С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. М., 1996 (1-е изд.); 2000 (2-е изд.).
84. Яноушек Я. Значение книги С.Л. Рубинштейна “Человек и мир” для философских основ социальной психологии // Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. 1989. С. 239–245.
85. Abulkhanova K.A. La vie et l’oeuvre de Serguei Leonidovitch Rubinstein // Rubinstein aujourd’hui. Nouvelles figures de l’activite humaine / Eds. V. Nosulenko, P. Rabardel. Toulouse – Paris : Octares – Maison des Sciences de l’Homme, 2007. P. 23–40.
86. Abulkhanova K.A. Le sujet de l’activite ou la theorie de l’activite selon S.L. Rubinstein // Rubinstein aujourd’hui. Nouvelles figures de l’activite humaine / Eds. V. Nosulenko, P. Rabardel. Toulouse – Paris : Octares – Maison des Sciences de l’Homme, 2007. P. 83–128.
87. Aboulkhanova K.A. The life course and creative in science of the Soviet Psychologist S.L. Rubinstein (1889–1960) // Summary for the VIII-th Annual Meeting of Cheiron European. Göteborg, Sweden, 1989. P. 314–320.
88. Abulkhanova-Slavskaya K.A. S.L. Rubinstein’s Concept of the Subject of Activity. Abstracts: The 2nd International Congress for Research and Activity Theory. Lahti, Finland, 1990.
89. Barabanchtchikov V.A. La question de l’activite dans la psychologie russe // Rubinstein aujourd’hui. Nouvelles figures de l’activite humaine / Eds. V. Nosulenko, P. Rabardel. Toulouse – Paris : Octares – Maison des Sciences de l’Homme, 2007. P. 41–82.
90. Kossakowski A. Theoretische Entwicklungslinien in der sowjetischen Psychologie. Leipzig: Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universitat, 1968. Heft 4.
91. Matthaus W. Sowjetische Psychologie des Denkens. Frankfurt, M., 1988.
92. Nosulenko V., Rabardel P. (Eds.) Rubinstein aujourd’hui. Nouvelles figures de l’activite humaine. Toulouse – Paris : Octares – Maison des Sciences de l’Homme, 2007.
93. Payne T.R. S.L. Rubinstein and Philosophical Foundations of Soviet Psychology. Dordrecht, Holland, 1968.
94. Reigel K.F. Foundation of Dialectical Psychology. N.Y., 1979.
95. Tomaszewski T. Psychologia wychowawcza. T. I (XV). Warszawa, 1958.

PHILOSOPHICAL AND PSYCHOLOGICAL HERITAGE OF S.L. RUBINSTEIN

К.А. Abulkhanova

*Academician of REA, head of psychology of personality laboratory,
Institute of Psychology, RAS, Moscow*

Such crucial aspects of philosophical and psychological conception of scientific work of prominent domestic philosopher and psychologist Sergey Leonidovich Rubinstein as problems of Man and Personality, ontological basis of their essence and means of existence and self-realization are analyzed. Created by the scientists school consecutively developed his sophisticated and profound ideas, integrating separately elaborated aspects (abilities, needs, motivation, consciousness, self-consciousness, thinking as personality problems), widening the context of their researches. Rubinstein's approach due to his disciples and followers, due to the constructivism of his ideas itself holds a leading position in Russian psychology.

Key words: man, personality, ontology, philosophical anthropology, position, attitude, integration, principle of development, unity of consciousness and activity, principle of determinism, value, subject.